

Чу Ваннань и понятия не имел, что творится в голове у Ся Цинлу. В вечер оглашения результатов обе семьи собрались в отеле, чтобы как следует отпраздновать это событие за хорошим ужином.

Ся Цинлу уже какое-то время не видел маму Чу Ваннаня, поэтому, как только её фигура показалась в поле зрения, он тут же бросился навстречу и горячо обнял её:

— Тетя Лю, сто лет вас не видел!

Женщина в его объятиях улыбнулась и мягко похлопала его по плечу:

— Я тоже тебя давно не видела.

Её лицо отличалось той бледностью, которая бывает у людей, редко бывающих на солнце. У неё были иссиня-черные волосы и очень красивые глаза — в них застыла легкая грусть, напоминающая туманный дождливый сезон в Цзяннани; весь её облик дышал изяществом и спокойствием. Судя по внешности, если бы не мелкие морщинки в уголках глаз, выдававшие возраст, прохожие на улице вполне могли бы принять её за старшую сестру Чу Ваннаня.

При виде Ся Цинлу она не могла сдержать улыбки, и на её щеках проступил легкий румянец, отчего она сразу оживилась.

Ся Цинлу разжал объятия и, увлекая Лю Фанъи за собой, принялся жаловаться:

— Тетя Лю, вы даже не представляете! Пока вас не было, Чу Ваннань снова меня обижал — он заставил папу приготовить мне зеленый перец!

Чу Ваннань, который шел следом вместе со своей матерью, но был благополучно забыт, подал голос:

— Я вообще-то всё слышу.

Ся Цинлу обернулся и вызывающе ухмыльнулся:

— Специально для тебя и говорю.

— Ся Цинлу, ты уже взрослый, хватит вести себя как ребенок, — подала голос женщина с длинными каштановыми кудрями и волевыми чертами лица, сидевшая на водительском сиденье. Она облокотилась на дверцу и вскинула бровь.

Увидев её, Лю Фанъи улыбнулась еще шире:

— Сестра Хань.

Ся Шаньхань тоже улыбнулась:

— Скорее садись ко мне на переднее сиденье. Пусть эти трое мужчин едут на другой машине.

Лю Фанъи, не раздумывая, направилась к ней, села в машину и пристегнулась — всё одним слитным движением.

Оставленный позади Ся Цинлу оторопел.

Ся Шаньхань крикнула своему непутевому сыну: «Не обижай Сяо Наня!» — ударила по газам,

и красная машина лихо сорвалась с места.

— Это я-то тебя обижаю? — Ся Цинлу повернулся к Чу Ваннаню.

Чу Ваннань лишь слегка приподнял бровь и промолчал. Он открыл дверцу машины Ся Тина, которая уже выехала из подземного паркинга и притормозила у обочины, и сел на переднее пассажирское сиденье.

Ся Цинлу ничего не оставалось, кроме как занять заднее сиденье.

Машины одна за другой подъехали к выбранному отелю. Выйдя, Лю Фанъи взяла Ся Шаньхань под руку, и две подружки пошли впереди. Даже Ся Тин был вынужден плестись позади, не говоря уже о Ся Цинлу и Чу Ваннане.

Ся Тин шел посередине: впереди две женщины под ручку, сзади двое детей о чем-то перешептываются и бубнят — у него возникло смутное ощущение, что в этой компании лишним оказался только он один.

Семьи заказали отдельный кабинет. Не прошло и двадцати минут, как все блюда были поданы.

Мясо краба, соблазнительно поблескивающее в свете ламп под густым соусом, вызывало зверский аппетит; так и подмывало поскорее отведать этот нежный вкус. Также на столе были паровая рыба «фугуй», суп из черной курицы с древесными грибами, ароматные говяжьи ребрышки, тушеная лилия с гинкго и многое другое.

У Лю Фанъи было слабое здоровье, поэтому Ся Шаньхань специально заказала для неё порцию каши из семян лотоса и лилии.

Лю Фанъи беспомощно произнесла:

— Я же говорила, что мне хватит чего-нибудь легкого дома. А теперь я сижу тут и просто смотрю, как вы едите — разве это не мучение?

Ся Шаньхань рассмеялась:

— Так не пойдет. Это важное событие для детей, без тебя праздник не праздник. Не переживай, я спрашивала у врача: ты просто немного простудилась в поездке. Так что, кроме морепродуктов, ешь что хочешь, ни в чем себе не отказывай!

— Ладно, как скажешь, — ответила Лю Фанъи с напускной покорностью, но в её глазах так и светилась радость.

Чу Ваннань заметил это и с облегчением выдохнул.

Последние несколько дней после возвращения из поездки Лю Фанъи выглядела неважно, но сегодня она наконец казалась по-настоящему довольной.

Ся Тин улыбнулся:

— Ну что ж, давайте приступать к еде.

— Погодите, — Ся Шаньхань достала из сумки бутылку коллекционного красного вина и поставила на стол. — Раз уж мы празднуем, без этого не обойтись. Давайте, каждому по чуть-чуть.

Ся Тин посмотрел на неё:

— Ты еще и вино прихватила?

— Конечно! — Ся Шаньхань была явно горда собой.

— После вина за руль нельзя.

Ся Шаньхань отмахнулась:

— Потом вызовем двух трезвых водителей. В общем, сегодня мы обязаны выпить, иначе никакой атмосферы.

Аромат выдержанного вина разлился по комнате, все встали с бокалами.

Ся Шаньхань произнесла тост:

— За наших детей, которые восемнадцать лет грызли гранит науки и наконец поступили в отличные университеты! За вас!

Четыре бокала с вином и один со стаканом чистой воды со звоном соприкоснулись. Лица всех присутствующих сияли от счастья.

Ся Цинлу еще помнил тяжелую голову после недавней попойки, поэтому сделал лишь один глоток, чтобы почувствовать вкус, и больше не притрагивался.

Он покосился в бокал Чу Ваннаня и, заметив, что там осталась половина, незаметно подлил туда своего вина.

Как только Чу Ваннань посмотрел в его сторону, Ся Цинлу тут же принял максимально невозмутимый вид.

Ся Шаньхань заметила это:

— Я же просила тебя не обижать Сяо Наня.

— Я его не обижаю, — невозмутимо отозвался Ся Цинлу.

Ся Тин не отличался стойкостью к алкоголю, и хмель быстро ударил ему в голову. Лениво откинувшись на спинку стула, он с улыбкой сказал:

— Я до сих пор отчетливо помню, как вы в детстве дрались из-за игрушек. Не верится, что моргнуть не успели, а вы уже в университет уходите.

Ся Шаньхань тоже подхватила:

— Да, время пролетело незаметно.

Она нежным взглядом посмотрела на двух юношей, которые сами того не замечая, выросли такими выдающимися:

— Раньше мы хотели только, чтобы вы росли здоровыми и счастливыми. Теперь же мы желаем вам понять, чего вы на самом деле хотите от жизни. Просто идите по выбранному пути смело и уверенно.

Лю Фанъи так же тепло смотрела на них.

«Чего я хочу на самом деле?»

Ся Цинлу погрузился в раздумья. Этот вопрос не давал ему покоя до самого возвращения домой.

Чу Ваннань проводил Лю Фанъи до дома, принял душ и, предупредив, привычно направился в комнату Ся Цинлу. Увидев, что свет погашен, он решил, что друг уже спит, и приглушил шаги.

— Ты чего пришел? — в темноте внезапно раздался голос Ся Цинлу.

Сердце Чу Ваннаня пропустило удар. Он щелкнул выключателем, и комната мгновенно залилась светом. Ся Цинлу сидел на краю кровати, подперев подбородок сцепленными пальцами, в позе «Мыслителя».

— Ты не спишь?

Ся Цинлу честно признался:

— Не спится.

— Почему?

Ся Цинлу откинулся назад, опираясь руками на кровать:

— Размышляю о смысле жизни.

Чу Ваннань смотрел на него, он — на Чу Ваннаня.

Через несколько секунд молчания Чу Ваннань толкнул его:

— Не хочешь говорить — вали в душ.

Ся Цинлу отодвинулся, наблюдая, как Чу Ваннань стягивает одеяло и укладывается на его кровать. Он захлопал глазами, внезапно осознав:

— Эй, это вообще-то моя комната!

Он вскочил и попытался стащить Чу Ваннаня с кровати:

— Я еще не мылся! Не спи!

Чу Ваннань остался непоколебим:

— Если сейчас же не уйдешь, я точно засну.

Услышав это, Ся Цинлу тут же бросил его, пулей схватил одежду и влетел в ванную. Не прошло и пяти минут, как он выскочил обратно, окутанный облаком пара.

Всё произошло так быстро, что Чу Ваннань едва успел додумать одну мысль, как его прервали.

Ся Цинлу, увидев, что Чу Ваннань всё еще смотрит на него, остался доволен. Он залез на кровать и натянул одеяло. Чу Ваннань послушно повернулся, и они оказались лицом к лицу.

— Ну давай, что стряслось?

Раз уж Чу Ваннань сам пришел и решил остаться на ночь, значит, явно хотел поговорить.

Ся Цинлу втайне потирал руки: неужели что-то про любовь?

Чу Ваннань выключил свет. В темноте, когда не видно выражения лица собеседника, говорить о сокровенном гораздо проще.

— У меня есть одна цель, и я почти её достиг, — начал Чу Ваннань.

— Какая цель? — мозг Ся Цинлу заработал на полную, и он тут же нашел зацепку. — Это связано с твоими подработками?

В старшей школе Чу Ваннань внезапно нашел работу репетитора. По выходным он помогал ученикам с уроками и строго-настрого запретил Ся Цинлу рассказывать об этом тете Лю, заставляя его прикрывать себя. Так продолжалось три года. После экзаменов он тут же набрал еще несколько подработок, и в самые загруженные дни Ся Цинлу вообще его не видел.

— Да.

Ся Цинлу:

— Раз цель почти достигнута, разве это не повод для радости? Чего ты тогда загружился?

Чу Ваннань:

— Когда цель будет достигнута, то, что я хотел скрыть, станет известно тем, от кого я это скрывал.

Ся Цинлу:

— ...Просто скажи прямо: от меня или от тети Лю?

О том, в чем заключалась цель Чу Ваннаня и зачем ему внезапно понадобились деньги, тот молчал как партизан, сколько бы Ся Цинлу его ни допрашивал. Со временем Ся Цинлу перестал спрашивать. В тот период Чу Ваннань часто бывал подавлен, и Ся Цинлу из кожи вон лез, развлекая его, пока тот снова не стал самим собой.

В темноте глаза Чу Ваннаня сверкали, как холодные звезды:

— От обоих.

Ся Цинлу ломал голову, пытаясь понять, что это за цель такая, касающаяся и его, и Лю Фаньи.

Не найдя ответа сам, он спросил прямо:

— А зачем ты хотел это скрыть?

— Просто хотел.

Ся Цинлу вскипел и принялся в шутку тискать его за щеки:

— Терпеть не могу, когда ты говоришь загадками!

Они немного повозились, пока Чу Ваннань не перехватил его руки:

— А у тебя разве нет от меня секретов?

«Конечно, есть», — виновато подумал Ся Цинлу. И даже не один.

Чу Ваннань холодно хмыкнул. Ся Цинлу всерьез подозревал, что у друга встроен прибор ночного видения и он прекрасно видит выражение его лица даже в темноте.

Раз секреты были у обоих, решено было считать, что они квиты.

Обдумав ситуацию, Ся Цинлу высказал свое мнение:

— Если ты считаешь, что так для нас будет лучше — придерживайся своего плана. Но на моем месте я бы хотел, чтобы ты мне всё рассказал. Мы ведь лучшие друзья.

Они лежали совсем рядом. Ся Цинлу видел блеск в глазах Чу Ваннаня и его нечитаемое выражение лица.

Мерное дыхание раздавалось прямо у самого уха. Ся Цинлу принялся считать ресницы Чу Ваннаня. Когда он уже почти сбился со счета и зевнул, Чу Ваннань наконец заговорил:

— Раз хочешь спать — спи.

Ся Цинлу: ?

Он возмутился:

— И это всё? Одна фраза? Ты ничего не хочешь сказать на мой совет?

Он ждал целую вечность, а в ответ услышал «хочешь спать — спи»?

Чу Ваннань накрыл ладонью глаза Ся Цинлу, заставляя его закрыть их и лечь смирно:

— Я подумаю над твоими словами.

— А когда расскажешь? Завтра? Послезавтра? Или когда достигнешь цели?

Чувствуя, что Чу Ваннань готов пойти на контакт, Ся Цинлу не умолкал.

Чу Ваннань закрыл глаза.

Видя, что тот притворяется спящим, Ся Цинлу хотел вскочить и включить свет, чтобы заставить его ответить.

Чу Ваннань тут же перехватил его руку и, закинув ногу, надежно прижал его к кровати:

— Заткнись и спи.

Ся Цинлу притих, понимая, что не вырвется.

Но чувствуя тепло чужой груди за спиной, слыша дыхание и смутный стук сердца, он невольно задумался.

«Эта поза... не слишком ли она двусмысленная?»

<http://bllate.org/book/17132/1602460>